

Содержание

Психология и религия: диалог.....	7
Предисловие автора к третьему изданию.....	20
Предисловие автора к седьмому изданию ...	22
Предисловие автора к изданию на русском языке.....	23
1 Сущность экзистенциального анализа.....	29
2 Духовное бессознательное.....	41
3 Экзистенциальный анализ совести.....	59
4 Экзистенциально-аналитическое толкование сновидений.....	73
5 Трансцендентность совести.....	91
6 Подсознательная религиозность.....	105
7 Психотерапия и религия.....	123
8 Логотерапия и теология.....	131
9 Медицина и спасение души.....	143
10 Орган смысла.....	151
11 Дорефлексивное онтологическое самопостижение человека.....	159
12 Человек в поисках высшего смысла.....	173
Библиография.....	209
Предметно-именной указатель.....	212

Психология и религия: диалог

Вниманию читателей предлагается одна из наиболее своеобразных книг Виктора Франкла (1905–1997) — выдающегося австрийского психолога и психотерапевта, называемого одним из последних подлинных духовных учителей западной цивилизации. Франкл — создатель учения о стремлении к смыслу как главной движущей силе человека, автор многих книг по психологии, адресованных широкой мыслящей аудитории, которые переведены более чем на 30 языков и издаются миллионными тиражами. Кроме того, Франкл — автор собственной философской концепции человека, ставящей во главу угла духовное измерение человеческого существования, наряду с телесным и душевным (психическим) измерениями, благодаря которому человек способен управлять своим телом и психикой и даже противостоять им*.

* Философские работы Франкла готовятся к выходу в этом году в книге: Франкл В. Безусловный человек / Под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2022.

Именно для того, чтобы обосновать свое право выступать на философские темы, доктор Франкл защитил в 1950 году вторую диссертацию, по философии, в качестве которой на защиту была представлена эта маленькая книга. Позднее он в свойственной ему манере шутил на эту тему: «Ведь я знаю разлюбленных моих венских коллег: они не скажут, что Франкл — доктор вдвойне, они скажут, что он лишь наполовину врач»*. Хотя в подзаголовке этой книги упомянуты психотерапия и религия, она наполнена богатым общепсихологическим и философским содержанием, местами ее нелегко читать без основательной философской подготовки. Но даже если не все места книги понятны неподготовленному читателю, ее ключевые идеи выражены с исключительной ясностью.

Книга затрагивает узел философских и психологических проблем, связанных с феноменом религиозности человека. В ней речь идет об отношениях человека с богом, который у него внутри — в сознании и подсозна-

* Франкл В. То, чего нет в моих книгах: Воспоминания. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. С. 41.

нии. Франкл вводит новое понятие духовного бессознательного, проявлением которого выступает, в частности, феномен совести как органа, позволяющего интуитивно почувствовать и найти тот смысл, который кроется в любой ситуации.

Психоанализ, с которым постоянно дискутирует автор, сводит религиозную веру к «иллюзии», поскольку для него не существует духовного изменения человека, столь важного для экзистенциального анализа. Психоанализ деперсонализирует человека, разрушает целостную человеческую личность, превращая отдельные ее стороны в самостоятельные сущности, разные инстанции в рамках душевного целого. Экзистенциальный анализ, наоборот, «на месте автоматизма душевного аппарата... видит автономность духовного существования» (с. 35). Отсюда Франкл выводит ключевое понятие экзистенциального анализа и этой книги — понятие ответственности. «Не человек ставит вопрос о смысле жизни, — говорит Франкл, — скорее наоборот, к нему адресован этот вопрос, на который он сам должен ответить. Эти вопросы ставит перед

ним жизнь, а отвечать на них он должен делом» (с. 37). Мы не те, кто спрашивает, мы те, к кому вопрос обращен. Мы должны отвечать. Ответ содержится в ответственности нашего существования. Ответственность, которая во всех языках происходит от слова «ответ», — это и есть наш способ ответить на вопрос о смысле, который задает нам жизнь. Франкл, таким образом, возвращает ответственность за смысл самому субъекту.

И психоанализ, и экзистенциальный анализ стремятся к осознанию, только это осознание направлено на разные вещи. Психоанализ стремится довести до осознания инстинктивное в нас, а экзистенциальный анализ — духовное, потому что духовное мы тоже не хотим осознавать, не любим осознавать, тоже вытесняем. Поэтому у нас есть не только бессознательные влечения, но и бессознательная духовность, которую мы часто не хотим признавать. «Подлинно человеческое существование начинается только там, где кончается влекомое существование, а кончается там, где кончается ответственность. Подлинное человеческое существование, таким образом, появляется только там,

.....

где не «Оно» движет человеком, а там, где «Я» решает» (с. 45).

Такова ситуация противостояния духовного существования и психофизической данности. Телесное и душевное в нас — это то, что наша личность имеет, а духовное — это то, что она есть. Все человеческое бытие сконцентрировано вокруг личности как духовно-экзистенциального центра, говорит Франкл. «Лишь духовная личность обеспечивает единство и целостность человеческой сущности» (с. 49).

По сути дела, понятие совести и выражает наше духовное бессознательное. Франкл дает развернутый, достаточно сложный философский анализ совести. Глубинная личность, подчеркивает Франкл, не обязательно осознана, она может в своих основах не осознаваться. Совесть иррациональна. Она не поддается исследованию. М. К. Мамардашвили очень точно говорил позднее, что мы ссылаемся на совесть как на основание нашего решения тогда, когда те или иные наши действия ни из чего не вытекают. Задача психотерапевта во многом состоит в том, чтобы вернуть человеку доверие к бессозна-

.....

тельному и к своей совести. Совесть не направлена против общего морального закона, но она учитывает конкретную, уникальную ситуацию здесь и теперь, раскрывает единственно необходимое, что в этой ситуации здесь и сейчас мы должны делать. Она преломляет через конкретную ситуацию общие моральные законы и дает нам подсказки по отношению к этой конкретной ситуации. Часто наши сновидения тоже служат подсказками совести, и в них скрыто проявляется наше духовное бессознательное.

Следующая главка называется «Трансцендентность совести», что означает, что за совестью стоит что-то еще, совесть не является конечной инстанцией. Что же? Здесь проходит граница между религиозным и нерелигиозным сознанием: нерелигиозный человек как бы останавливается на этом, принимая совесть за конечную инстанцию, перед которой он должен держать ответ. «Но совесть, — говорит Франкл, — не является последним “для чего” человеческой ответственности бытия, она — предпоследняя инстанция. Нерелигиозный человек преждевременно останавливается на пути поиска смысла, не

.....

выйдя за пределы и не задавшись вопросом о самой совести. Он немного не дошел до вершины. Но почему он не идет дальше? Он не хочет потерять “твердой почвы под ногами”, ведь сама вершина скрыта от его взора, она покрыта туманом, и он не отваживается шагнуть в этот туман, в эту неизвестность» (с. 98).

Религиозный человек должен признавать это решение своего неверующего собрата как принципиальную возможность и как реальную действительность, он должен уважать свободу выбора, но он делает следующий шаг, задумываясь о том, что стоит за совестью, кто говорит с нами ее голосом. Такая развилка открывает, с одной стороны, возможность единого подхода и к религиозному, и к нерелигиозному сознанию и работы с ними, с другой стороны, одновременно между ними обозначаются границы в сфере трансцендентного. Эта позиция Франкла представляется абсолютно этически убедительной. «Хотя бы уже потому, что логотерапевт как врач давал клятву Гиппократа, он должен заботиться о том, чтобы логотерапевтическая методика и техника были

.....

применимы для любого пациента, будь он верующий или неверующий, а также могла использоваться любым врачом, независимо от его личного мировоззрения» (с. 131). С этой позицией расходятся те психологи и объединения психологов, которые готовы работать и оказывать помощь только представителям одной определенной конфессии, разделяющим общие с ними религиозные ценности.

«За *“Сверх-Я”* человека стоит не *“Я”* сверхчеловека, — говорит Франкл. — Скорее, за совестью стоит *“Ты”* Бога» (с. 102). При этом у Франкла, с одной стороны, отчетлива глубинная индивидуальная религиозность, то есть он не вписывается ни в какую конфессию, у него свои личные отношения с Богом, с другой — абсолютная толерантность по отношению к другим точкам зрения. Во время московских лекций в 1992 году ему был задан прямой вопрос из зала о его позиции по отношению к вере и религии. Франкл ответил: «Если Бог действительно существует, то он наверняка считает, что важно не то, является ли человек религиозным или нет, а то, является ли он порядочным и достойным или

нет»*. Если вы достаточно хороший человек, Бог простит вам, что вы в него не верите.

Франкл во многом опирается на Юнга в своем анализе бессознательной религиозности, хотя трактует ее иначе. Пожалуй, главная идея книги Франкла в том, что у людей, которые считают себя нерелигиозными, на самом деле подсознательно проявляется стремление к религиозности и мы можем его найти в ходе работы с ним. Важно, что человек только сам может прийти к этому, врач не должен его к этому понуждать или подталкивать. И очень важно, чтобы эти две сферы, сфера религии и сфера психотерапии, не смешивались между собой. «Религия дает человеку больше, чем психотерапия, но и требует от него больше. *Следует решительно отвергнуть любое слияние этих двух сфер, порой перекрывающихся по своим результатам, но несовместимых между собой по своим устремлениям*» (с. 128). «Чем меньше психотерапия будет стремиться услужить теологии, тем

* Франкл В. Социальные кризисы и воспитание ответственности // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. 1999. № 11. С. 86.

.....

большими будут ее действительные заслуги перед ней» (с. 130).

Франкл выходит на вопрос о конечном, высшем, предельном смысле — сверхсмысле — и приводит еще одну получившую известность метафору, которая вытекает из его многомерной философии человека. Издавна стоит вопрос о смысле человеческих страданий. Но в какой степени человек может понять что-то, что выходит за рамки его понимания? Возьмем обезьяну, говорит Франкл, которой делают болезненную инъекцию, чтобы изготовить сыворотку против полиомиелита из каких-то веществ ее спинного мозга. Это очень болезненная операция. Может ли обезьяна когда-нибудь понять, почему она должна страдать? «Находясь в своей среде, она не в состоянии воспринять соображения, которым следует человек в этом эксперименте, так как человеческий мир, мир смысла, ей недоступен, она никогда не дотянется до него. Но не следует ли нам признать, что над самым человеческим миром, со своей стороны, находится недостижимый для нас мир, сверхсмысл которого только и может придать смысл страданию?» (с. 135). Психоло-

.....

терапия должна продвигаться именно в этом направлении, говорит Франкл. Если придут такие откровения, тогда придет и вера. Это открытие не экзистенциального, а трансцендентного опыта, с чем Франкл в какой-то степени пытался работать.

В конце книги он формулирует тезисы, что смысл мы должны искать и находить, смысл не может быть дан в готовом виде, он не может быть создан. В этом поиске человека направляет совесть — универсальный механизм, «орган смысла». «Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в каждой конкретной ситуации» (с. 151). Совесть, впрочем, тоже может вводить человека в заблуждение. Более того, мы до последнего дня не можем знать, воплотили ли мы действительно смысл своей жизни или только заблуждались, и этого мы не узнаем никогда; мы всегда живем в неведении и умираем в неопределенности.

В последнее издание книги включен текст выступления Франкла 1985 года, которое посвящено поиску высшего, предельного смысла, где получают обобщение и развитие

идеи основной части книги. Франкл обращает внимание на ту общую закономерность, что чем шире смысл, тем он менее понятен, следовательно, этот высший, предельный «сверхсмысл» не поддается простому интеллектуальному пониманию. Однако, говорит Франкл, «в то, что нельзя познать, необязательно нельзя поверить. ...Даже если на этот вопрос не существует интеллектуального ответа, возможно экзистенциальное решение» (с. 190). И он дает определение Бога: Бог — это партнер, собеседник в наших самых интимных внутренних диалогах с собой. Когда мы в одиночестве откровенно ведем разговор с самим собой, собеседника в таких диалогах можно назвать Богом независимо от того, являемся ли мы атеистами или верующими. Одни имеют в виду только диалог с самим собой и не воображают какого-то собеседника, другие верят, что человек общается при этом с кем-то другим. «Однако так ли важно, — говорит Франкл в завершение, — является ли наше “абсолютное одиночество” кажущимся или нет? Разве не важнее всего то, что оно порождает “абсолютную честность”? И если Бог есть, то

.....

я убежден, что он не обидится, если кто-то перепутает его со своим “Я” и назовет этим именем» (с. 200).

Главное, что диалог не кончается.

ДМИТРИЙ ЛЕОНТЬЕВ,
доктор психологических наук

Предисловие автора к третьему изданию

В основе этой книги лежат доклады, прочитанные мною перед небольшой аудиторией вскоре после окончания Второй мировой войны в Вене по приглашению собиравшейся вместе группы венских интеллектуалов. В виде книги они впервые были изданы в 1948 году.

Я с волнением принял предложение издательства Kösel о новом издании книги, так как сейчас уже не во всех деталях придерживаюсь взглядов, изложенных в первом варианте книги. «Разве я должен стыдиться, что мои мысли за это время ушли далеко вперед?» — спрашивал я в предисловии к изданию на английском языке.

Хотя я внес в книгу некоторые изменения, но по сравнению с другими моими книгами «Подсознательный бог», на мой взгляд, составлена особенно тщательно. Жаль было бы вносить дополнения в текст (главы 1–7), нарушая строго систематичный ход мыслей. Однако я принял предложенное издательством аль-

тернативное решение и, отобрав материал более поздних публикаций на эту тему, составил из них своего рода дополнение (главы 8–11).

О логотерапии, однако, нельзя судить лишь по этой книге. Это относится как к ее успехам и сегодняшнему состоянию, так и к размаху затрагиваемых в ней проблем. Поэтому читателю будет полезна относительно подробная библиография работ по логотерапии, не только относящихся к пограничной области между теологией и психотерапией, но и охватывающих вопросы клинической практики и терапевтической техники, а также — вкратце — эмпирически обоснованную логотерапевтическую теорию мотивации, учение о «стремлении к смыслу» и о чувстве смыслоутраты, которое становится сегодня все более актуальным. С учетом этого распространяющегося все шире массового невроза никто — как двадцать пять лет назад, так и сейчас, — если он честен и относится к психотерапии серьезно, не может уклониться от вопросов, возникающих из ее столкновения с теологией.

Виктор Франкл

Вена — Сан-Диего, январь 1974

Предисловие автора к седьмому изданию

Седьмое издание, помимо обновления библиографии, дополнено еще одной главой (12-й), в которой впервые публикуется на немецком языке текст доклада, прочитанного на английском языке в 1985 году в Далласе (штат Техас, США) на юбилейном заседании Американского психиатрического общества по случаю присуждения премии Оскара Пфистера. Это был первый случай присуждения такой премии неамериканцу. Названа она в честь швейцарского теолога Оскара Пфистера, друга и выдающегося ученика Зигмунда Фрейда. Они многие годы переписывались, их переписка недавно была опубликована (Freud S., Pfister O. *Briefe 1909–1939*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981).

ВИКТОР ФРАНКЛ
Вена, май 1988

Предисловие автора к изданию на русском языке*

Меня наполняет радостью мысль о том, что моя книга, после того как она была переведена на двадцать один язык**, теперь доступна и на русском языке. Когда я приезжал в Москву по приглашению Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и выступал с лекциями на факультете психологии, мне поведали о плане перевода моих работ теперь и на русский, но тогда я не думал, что это может случиться так скоро. Как это объяснить?

Может быть, дело действительно в том, как мне говорили некоторые коллеги в Мо-

* Замысел русского издания этой книги возник еще в конце 1980-х, сразу после приезда автора в Москву в феврале 1986 года. Тогда же началась его подготовка. В 1990 году Франкл написал это краткое предисловие на немецком и английском языках и прислал его. К сожалению, тогда издание не удалось реализовать, оно затянулось на три десятилетия и выходит только сейчас. — *Прим. ред.*

** К настоящему моменту переводов данной книги может быть гораздо больше. — *Прим. ред.*

.....

скве, что разработанная мною логотерапия каким-то образом «находит отклик в русской душе», соответствует ей, может ей что-то сказать. Я вполне могу себе это представить, вспоминая, какое глубокое впечатление произвели, в свою очередь, на меня, книги таких русских писателей, как Достоевский и Толстой (читатели моих книг постоянно встречают у меня цитаты из произведений этих великих писателей). Неудивительно: я тоже убежден в том, что страдание, вина и смерть — то, что я называю «трагической триадой человеческого существования», — не лишают нашу жизнь смысла, наоборот, от человека зависит, может ли он трансформировать их во что-то позитивное.

Безусловно, это послание проще всего донести до обычного человека, «человека с улицы», на языке искусства, ведь науке не всегда удается достучаться до людей. Оно адресовано скорее сердцу, чем разуму, оно передает мудрость сердца, в том числе сердечную мудрость русского народа.

Если эта книга сможет хоть в какой-то степени помочь российскому народу, это наполнит мое сердце гордостью, а мою

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru